

О НЕВЕСЕЛОМ КАБАЧКЕ И ПРОЧЕМ ОБЩЕПИТЕ

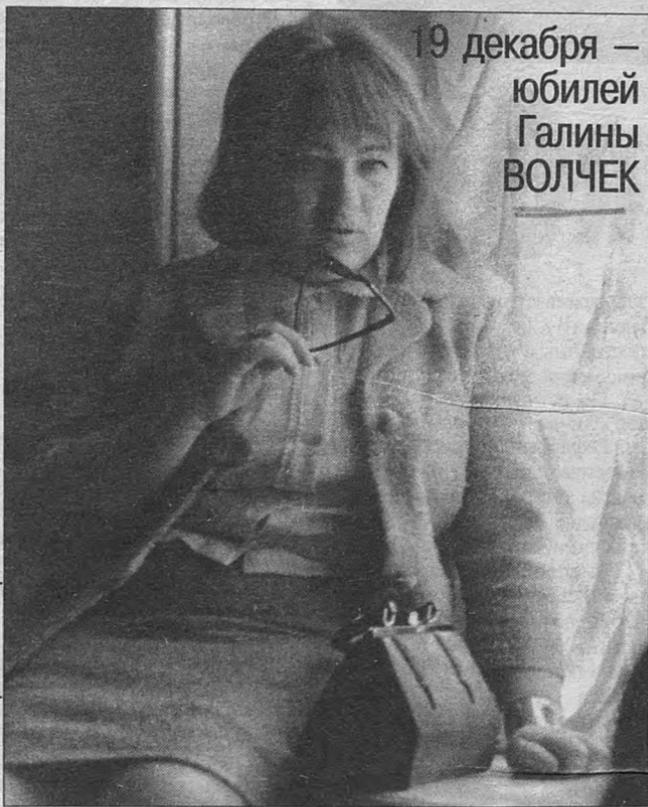
Актриса, сыгравшая
Вирджинию Вульф —
и Волчку в фильме
«Красная Шапочка»,
режиссер-постановщик
легендарных спектаклей «Двое
на качелях», «Обыкновенная
история», «На дне»,
«Пигмалион», «Крутой
маршрут», «Три сестры»,
«Вишневый сад», «Анфиса»,
«Мы едем, едем, едем...», «Три
товарища», главный режиссер
«Современника» с 1972 года,
лауреат Премии

Станиславского в номинации
«За высокое служение
театру», — она сказала когда-
то в интервью: «Я верю
только в такой театр,
где есть команда, где есть
сговор, где есть серьезный
ансамбль...». В конце декабря
в издательстве «Новое
литературное обозрение»
выходит книга театрального
критика Марины

РАЙКИНОЙ «Галина Волчек:
как правила вне правил».

В ней часто звучит
живой голос главной героини.

Публикуем отрывок. И
поздравляем Галину Борисовну!

19 декабря —
юбилей
Галины
ВОЛЧЕК

Из архива «Современника»

Молодой «Современник» поставил пьесу Олби «Баллада о невеселом кабачке» с Табаковым и Волчек в главных ролях. Олби был одним из многих разрешенных в СССР иностранцев, и современники носились с ним, как с дорогим гостем. В этом не было ни грамма общепринятой показухи: искренность и честность, с какими жил и общался «Современник», удивляли и потрясали иностранцев. Олби не был в этом ряду исключением. «Баллада...» в московской версии ему понравилась. Потом выпивали. Когда скидывались по рублю, Олби протянул свои доллары, но артисты с гордостью их отвергли. Дальше они помчались в единственный работавший до утра в Москве ресторан ВТО.

— Больше не подаем. Кухня закрыта, — сказал им администратор в униформе.

— Как — закрылась? Только двенадцать часов! — они атаковали сначала администратора, потом официантку Валечку. Она знаками показывала, что ничего не может изменить, и делала страшные глаза, что означало — сегодня дежурит начальство.

Как назло, артистов в ресторане было мало, и кухня уже свернулась.

Галина Волчек:

— Видим, Олечка Бган (она снялась в двух популярных картинах) у окна сидит, ей только что «зубрика» принесли. «Зубрик» — это что-то вроде жюльена на маленькой сковородке. «Видишь, человек голодный из Америки приехал», — сказали мы ей, и она отдала Олби своего «зубрика».

Молодость, голод и азарт — необходимые составляющие успеха. Они репетировали день и ночь, и их жизнь походила на добровольный запой без минуты протрезвления. Воображение легко рисует типичную картинку, которую корректируют лишь чужие воспоминания. Вот Ефремов и его артисты на сцене. Незанятые в спектакле сидят в зале — таков негласный закон «Современника». На последнем ряду, свернувшись калачиком, спит Лелик Табаков — самый младший в ефремовской команде. Хотя моложе он всех всего-то на два-три года. Он тощий, все время мерзнет и натягивает на голову чье-то чужое пальто.

А вот история, доказывающая, как чистые порывы и невинность были «изнасилованы» опытом и изощренностью советской системы. И то, что дерзкими молодыми талантами принималось за свободу, было всего лишь ее иллюзией.

В Москву приехал другой американский драматург — Артур Миллер, пьеса которого «Случай в Виши» также репетирова-

лась в «Современнике». Артисты, уже избалованные общением с западными знаменитостями, рвались с ним встретиться.

Встречу назначили после спектакля на чьей-то квартире. Накрыли стол, старались сделать все шикарно. И вдруг выясняется, что «нельзя». Табакова и Волчек вызвали в кабинет директора, и там человек в штатском сказал: «Никакого Миллера. Никаких гостей». Как? Что? А человек этот устало-равнодушно повторил выше-сказанное.

Черно-белый кадр из кино про события, незнакомые моему поколению. Человек с усталым и невыразительным лицом, но жестким взглядом повторяет установку. Смятение на лицах взволнованной молодежи, которую строят как хотят, а она уверена, что сопротивляется.

Тем не менее все пошло согласно сценаристам из КГБ — Миллер прождал своих молодых знакомцев в холле «Интуриста» и, не дождавшись, почувствовал себя чужим и несправедливо оскорбленным на советском празднике жизни.

Как ни парадоксально, но именно в таком спарринге — осознанно-изохронной лжи со стороны властей и неосознанной веры в иллюзию правды — существовал и развивался «Современник». Доля разрешенной правды оформлялась в новые художественные идеи. Хотя время чем дальше, тем больше добавляло к романтической наивности привкус горечи.

Впрочем, такими категориями в то время они не мыслили. Жили легко, вразлет, с верой, которая, как позже выяснится, их же и уберегла. Свои сумасшедшие вечера после спектаклей обычно, когда не было денег на ВТО, заканчивали в коммуналке у Волчек и Евстигнеева, где счастливая пара снимала комнату. Никого не смущало спать вповалку на супружеском ложе и возле него, с азартом захватывали места получше.

Однажды Волчек в предрассветных сумерках встала, чтобы пробраться в туалет. Она споткнулась о чье-то тело и упала на другое. «Тело» издало звук, зашевелилось, но, посопев, затихло. Это был начинающий чешский кинематографист Милош Форман, попавший в компанию безумных современников, как и Олби, и Миллер, и многие, многие другие. Они в разное время на отрезке конца 50 — начала 60-х годов вели безумное существование с молодыми московскими артистами. Но все это спрессовалось в один плотный отрезок времени, который возможно теперь повторить разве что на экране.